



УДК 1
ББК 88

DOI 10.24411/2073-0454-2019-10300
© Ю.В. Воронова, А.Б. Пряхина, 2019

Научная специальность 19.00.05 — социальная психология

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЙ
«ИНАЯ ЛИЧНАЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ»
И «ЛОЖНОЕ ПОНИМАНИЕ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ»
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ СУБЪЕКТАМИ
СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Юлия Владимировна Воронова, доцент кафедры управления и психологии следственной деятельности, кандидат психологических наук
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации (190000, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, дом 96)
E-mail: juley@yandex.ru
Анна Борисовна Пряхина, заведующий кафедрой психологии и организации правоохранительной деятельности, кандидат юридических наук
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации (125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12)
E-mail: asia833p@yandex.ru

Аннотация. Исследуется номинативное значение понятий «иная личная заинтересованность» и «ложное понимание интересов службы» в контексте понимания указанных концептов действующими сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации. В целях исследования семантики категорий «иная личная заинтересованность» и «ложное понимание интересов службы», формируемых и функционирующих в сознании субъектов следственной деятельности, использовался метод ассоциативного эксперимента. Делается вывод о невозможности дифференциации указанных категорий респондентами в силу неопределенности уголовно-правового содержания самих конструкций.

Ключевые слова: коррупция, мотив преступления, иная личная заинтересованность, ложное понимание интересов службы.

**INTERPRETATION OF THE CONCEPTS OF “OTHER PERSONAL INTEREST”
AND “FALSE UNDERSTANDING OF THE INTERESTS OF THE SERVICE”
THROUGH THE PRISM OF OBJECTIVE PERCEPTION BY THE SUBJECTS
OF THE INVESTIGATIVE ACTIVITY**

Yulia Vladimirovna Voronova, associate professor of department of management and psychology of the Investigative Activities, candidate of psychological sciences
St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (190000, St. Petersburg, nab. R. Moiki, 96)
E-mail: juley@yandex.ru
Anna Borisovna Pryakhina, head of the department of psychology and organization of law enforcement activity, candidate of law
Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (125080, Moscow, ul. Vrubelya, 12)
E-mail: asia833p@yandex.ru

Annotation. The authors research the nominative meaning of the concepts “other personal interest” and “false understanding of the interests of the service” in the context of understanding these concepts by current employees of the Investigative Committee of the Russian Federation. In order to study the semantics of the categories “other personal interest” and “false understanding of the interests of the service” being formed and functioning in the minds of the subjects of the investigative activity. In the course of the research the authors used the method of associative experiment. At the end of the article, the authors conclude that it is impossible for the respondents to differentiate these categories due to the indefiniteness of the criminal law content of the constructs themselves.

Keywords: corruption, motive of crime, other personal interest, false understanding of the interests of the service.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Воронова Ю.В., Пряхина А.Б. Интерпретация понятий «иная личная заинтересованность» и «ложное понимание интересов службы» через призму объективного восприятия субъектами следственной деятельности. 2019;(5):299–302.

В современной российской науке проблеме коррупции уделяется значительное внимание, что придает ей статус одной из актуальнейших проблем современности. Вместе с тем, наполнение содержанием самого понятия коррупция вызывает определенные сложности как в контексте научных исследований, так и в ее обыденном понимании.

В статье 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» коррупция определена как «а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица», что указывает на материальную основу коррупционных деяний.

Однако, проведенный нами анализ проблематики, показал, что понятие коррупции (и, соответственно, коррупционного деяния) гораздо шире и не ограничивается деяниями, имеющими в основе материальную (корыстную) заинтересованность.

Коррупция, как любой другой феномен, эволюционирует вместе с обществом, вместе с человеком. По нашему мнению, современная коррупция возможна только на организационном уровне, что существенным образом влияет на личность индивида, реализующего коррупционное поведение. В современной психологии акцент делается на категории коррупционное поведение, основываясь на том, что оно может быть, как истинным (комфортным для индивида), так и конформным. Однако мы полагаем, что в современных реалиях помимо коррупционного поведения можно говорить о коррупционной деятельности, как целенаправленном, осознанном процессе.

Современная коррупция системна, организована, личность коррупционера приобретает черты, которые ранее ей были не свойственны, мотивационно-смысловая основа претерпевает изменения, и, соответственно коррупционные деяния как проявления не только коррупционного поведения, но и коррупционной деятельности эволюционируют, приобретая очевидный полиморфный характер.

Таким образом, можно констатировать, что современное законодательство не охватывает весь спектр деяний, имеющий коррупционную основу. Из существующего диапазона мотивов, лежащих в

основе коррупционных деяний, легче всего обнаруживается корыстный, что касается нематериальных мотивов, то их, как правило, сложнее обнаружить и доказать.

Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий может осуществляться не только из корыстных побуждений, но и из иной личной заинтересованности. Иную личную заинтересованность законодатель определяет, как «стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленного такими побуждениями как карьеризм, семейственность, желание скрыть свою некомпетентность и т.п. Как использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы следует рассматривать протекционизм, а также иное покровительство по службе, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности»¹.

Попытки интерпретации «ложно понятых интересов службы» в качестве мотива коррупционных преступлений в уголовно-правовой науке предпринимались А.Ю. Булановым, А.Б. Кирюхиным в рамках проводимых диссертационных исследований [1, 2]. Вместе с тем, понятие «ложно понятых интересов службы» в проведенных исследованиях рассматривалось последними в контексте системы смягчающих обстоятельств и в меньшей степени посвящено изучению семантической палитры смыслового наполнения его содержания.

Как показывает практика, в ряде случаев позиция судов сводится к толкованию «ложно понятых интересов службы» как разновидности «иной личной заинтересованности» должностного лица². В других случаях судебные инстанции в описательно-мотивировочной части решений указывают «ложно понятые интересы службы» в качестве мотива совершения преступления, не учитывая его при назначении наказания³.

Представляются неоднозначными смысловые границы понимания дефиниций «ложно понятые интересы службы» и «иная личная заинтересованность» в самой научной среде. Одни ученые до-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». [Электронный ресурс]. URL <https://base.garant.ru/1792859/> [(дата обращения: 17.08.2019).

² Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2006 г. N 47-006-96 [Электронный ресурс]. URL <http://sudbiblioteka.ru/> [(дата обращения: 17.08.2019).

³ Приговор Астраханского областного суда от 13.02.2012 по обвинению К.В.А., в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, С.А.А., в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 303, ч. 1 ст. 307 УК РФ. [Электронный ресурс]. URL <https://sudact.ru/regular/doc/> [(дата обращения: 17.08.2019).

пускают возможность признания ложно понятых интересов службы разновидностью личной заинтересованности, другие считают подобную позицию недопустимой.

Так, А. Н. Харченко указывает, что «ложно понятые интересы службы как мотив поведения лица может относиться и к иным личным побуждениям. Когда субъект, действуя из ложно понятых интересов службы, осуществляет служебный подлог, у него отсутствует антисоциальный интерес, а соответственно, мотив иной личной заинтересованности. Следовательно, уголовная ответственность за служебный подлог должна исключаться» [3, с. 15].

Сложившаяся ситуация, по нашему мнению, обусловлена неконкретностью самих формулировок «иная личная заинтересованность» и «ложно понятые интересы службы», создающих объективные предпосылки для их последующей свободной интерпретации.

Центральным критерием определения того, что лежит в основе действий конкретного лица является мотив. В юридической практике, как и в самом уголовном законе встречается понятие «немотивированное преступление», наличествуют составы преступлений, в которых мотиву не придается уголовно-правового значения. Однако с точки зрения психологии, любой поведенческий акт имеет основу в качестве мотива осознаваемого или неосознаваемого, который в юридическом аспекте может быть выведен за рамки уголовно-правового запрета.

Система мотивов личности сложная, нелинейная и личная заинтересованность лица, совершающего то или иное деяние может быть неявной. Например, превышение показателей служебной деятельности сотрудниками правоохранительных органов напрямую для них личной выгоды может не представлять, однако позволят создать видимость эффективности работы подразделения. Ответ на вопрос — с какой целью эта видимость создается и будет мотивом деяния. Мы полагаем, что для сотрудника этот поступок имеет личностный смысл, вполне осознаваемый им, следовательно, ни о каком ложном понимании интересов службы речи быть не может.

Являются ли «иная личная заинтересованность» и «ложно понятые интересы службы» противоположными мотивами, или побуждения в виде ложно понятых интересов службы могут быть интерпретированы как частный случай личной заинтересованности?

Мы полагаем, что ответ на этот вопрос можно получить установив, каким реальным смысловым содержанием наполняют указанные номинативные единицы субъекты правоохранительной деятельности.

Целью проведенного нами исследования стал анализ особенностей понимания концептов «иная личная заинтересованность» и «ложное понимание

интересов службы» действующими сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации и обучающимися (будущими следователями). Общее число опрошенных составило 56 человек.

В процессе исследования использовался метод свободных ассоциаций, который справедливо считается одним из наиболее адекватных методов исследования субъективной семантики. Испытуемым предлагалось написать все ассоциации, возникающие в связи с понятиями «иная личная заинтересованность» и «ложное понимание интересов службы» (число ассоциаций не ограничивалось).

По итогам ассоциативного эксперимента в общей сложности было получено 486 свободных ассоциаций: 268 в связи с концептом «иная личная заинтересованность» и 218 в связи с концептом «ложное понимание интересов службы». Обработка результатов осуществлялась посредством контент-анализа.

Исходя из смыслового содержания ассоциаций, полученных в связи с концептами «иная личная заинтересованность», «ложное понимание интересов службы» нами был определен ряд категорий: «власть», «блага», «социальные связи (взаимоотношения)», «статус», «карьера (служба)», «закон», «санкции (наказание)», «личность (направленность личности)».

Стоит отметить, что такая категория как «социальные связи (взаимоотношения)» включает в себя родственные связи (взаимоотношения) и иные социальные связи, которые с свою очередь делятся на конъюнктивные (объединяющие людей) и дизъюнктивные (разъединяющие людей); категория «блага», включает в себя материальные и нематериальные блага; категория «закон» включает ассоциации, отражающие законность, а также ассоциации, выражающие нарушения закона.

Для конструкта «иная личная заинтересованность» наибольшим весом из выделенных обладает категория «социальные связи (взаимоотношения)» (более 40 ассоциаций), из которых родственные связи составляют 25%. Приоритет взаимоотношениям по конъюнктивному типу незначительный, кроме дружеских и взаимоотношений, имеющих положительную эмоциональную основу, упоминаются варианты, не одобряемые социумом, такие как, заискивание, подхалимство. Приближающейся по значимости к предыдущей выступает категория «блага», в которой материальная составляющая характеризуется большей значимостью, нежели нематериальная. В некотором смысле это парадоксально, т.к. конструкт «иная личная заинтересованность» используется правоприменителем для обозначения нематериальных интересов. Категория «личность (направленность личности)» также име-

ет значительный вес и отражает две тенденции: безопасность (своя и близких) и интересы, не связанные с профессиональной деятельностью (как иная часть жизни). Последней, имеющей значительный вес категорией выступает «закон», где подавляющее число ассоциаций характеризуют связь «иной личной заинтересованности» с преступлением. Для таких категорий как «власть», «статус», «карьера (служба)», «санкции (наказание)» большого числа ассоциаций в связи с понятием «иная личная заинтересованность» не зафиксировано.

Для конструкта «ложное понимание интересов службы» наибольшим весом обладает категория «личность (направленность личности)», где наибольший процент ассоциаций связан с негативными («недалновидность», «недобросовестность», «тупость», «лицемерие», «неправильно», «зло» и т.д.) и нейтральными личностными характеристиками и направленностью («противоречия», «сложность», «различия», «восприятие» и пр.). Примерно одинаковым весом обладают категории «карьера (служба)» и «закон» (как нарушение закона). Ассоциации категории «карьера (служба)» преимущественно направлены на характеристику процесса организации профессиональной деятельности («корпоративная культура», «организация», «управление» и пр.) и негативных аспектов профессиональной деятельности («карьеризм», «разочарование в работе», «отсутствие желания работать», «палочная система», «статистика», «карточки», «фальсификация», «подделка» и т.д. Следующая по весу категория «блага», но в отличие от конструкта «иная личная заинтересованность» здесь ярко выражен акцент на нематериальные блага. Для таких категорий как «власть», «социальные связи (взаимоотношения)», «статус», «санкции (наказание)» большого числа ассоциаций в связи с понятием «ложное понимание интересов службы» не зафиксировано.

На основе полученных результатов, мы можем констатировать то, что оба конструкта ассоциируются у респондентов с преступным деянием (в том числе, аморальным с присутствием негативного, антисоциального оттенка), однако таким, за которым не следует наказание, то есть уголовно-ненаказуемым. Но если в случае «иной личной заинтересованности» большую значимость имеют взаимоотношения и блага (чаще материальные), то в случае «ложного понимания интересов службы», организация профессиональной деятельности (управленческий аспект).

Немаловажное значение имеют личностные характеристики и направленность личности. Такие

классические мотивы как власть и игровой мотив выражены очень слабо, приоритетными выступают безопасность (чаще в связи с «ложным пониманием интересов службы») и корысть (чаще в связи с «иной личной заинтересованностью»).

Таким образом, неопределенность уголовно-правового содержания конструктов «иная личная заинтересованность» и «ложное понимание интересов службы» приводит к невозможности их дифференциации у респондентов.

Установленная консеквенция представляется нам весьма неперспективной, а в общем такой результат проведенного эксперимента дает возможность иначе посмотреть на соотношение категорий «иная личная заинтересованность» и «ложное понимание интересов службы», как в плоскости семантического анализа, так и в плоскости реальной деятельности.

Литература

1. Буланов А.Ю. Роль смягчающих обстоятельств при квалификации преступлений и назначении наказания: дис. ... канд. юрид. наук / А.Ю. Буланов. — М., 2004. — 176 с.
2. Кирюхин А.Б. Смягчающие обстоятельства в составе преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Б. Кирюхин. — М., 1994. — 24 с.
3. Харченко А.Н. Служебный подлог и его специальные разновидности в системе преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Харченко. — Владивосток, 2012. — 26 с.

References

1. Bulanov A.Yu. The role of extenuating circumstances in the qualification of crimes and sentencing: dis. ... cand. legal sciences / A.Yu. Bulanov. - M., 2004. - 176 p.
2. Kiryukhin A.B. Mitigating circumstances as part of a crime: author. dis. ... candidate jurid. sciences / A.B. Kiryukhin. - M., 1994. - 24 p.
3. Kharchenko A.N. Official forgery and its special varieties in the system of crimes against state power, the interests of public service and service in local authorities (chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation): author. dis. ... cand. legal sciences / A.N. Kharchenko. - Vladivostok, 2012. - 26 p.